

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

МАЙЯ-МАРИНА ШЕРЕМЕТЕВА
Родилась в Новосибирске. Окончила НГПУ, филологический факультет. Работала журналистом, ведущей авторских программ на радио и телевидении. Автор трех поэтических книг, в том числе «Рентген крыла»

(2022). Стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Нольцо А», «Интерпоэзия», «Зинзивер» и др. В настоящее время живет в Москве и Новосибирске. Училась на литературных курсах Creative Writing School.

Проснулась, пора кормить. Поднимаю кресло-трансформер и начинаю лепить из него нечто удобное для спины и рук – что-то типа спинки и подлокотников. Приподнимаю на диване мать, плавно, и подпираю ее этим своеобразным треном.

- Голова не кружится?
- Не-ет, – нараспев отвечает она. Она вообще сейчас говорит-поет, так легко удерживать слова, которые упархивают из памяти.
- Что наденем? Эту голубую рубашечку или ту с красными ягодками?

Она выбирает поярче – с ягодками. Наряжаемся с удовольствием. Надеюсь, удастся покормить.

Не тут-то было.

- Сама ешь! Я уже ела. Не хочу! Да пошла ты к Э-вы-ли-на!

Чертыхаюсь про себя – только бы не повторился тот прошлогодний кошмар, когда вытягивала ее питательной смесью.

- А где наши любимые песенки? Сейчас-сейчас... – У меня в арсенале беспроегранный вариант – песни ее молодости!

Включаю «Ютуб» на планшете.

- Ах, черемуха бе-е-лая, сколько бед ты наде-елала... – подпеваает она, и я вместе с ней, усиленно улыбаясь.

Дело идет на лад. Снова поправляю, продавливаю, ощупываю кресло-грушу. «Что там внутри, интересно? Гранулы какие-то... Песок там, что

ли?» Хочется запустить руку и поймать перетекающий песок. А еще лучше закопаться в него. Телу – блаженно... Вспыхнуло вдруг, как мама... Стоп! Где это было? Барханы, песок. Мама, молодая, энергично нагребает из песка огромную, как мне семилетней кажется, гору. А-а... в Средней Азии... Вот она усаживает меня, я начинаю плавно проваливаться. Мама еще подгребает песка сзади, чтобы спина была устойчива. Старенький профессор, чтобы избежать операции, посоветовал последнее средство, как промыть почки. «Посадите ее в горячий песок, закопайте по пояс и давайте арбуз. Пусть ест и писает прямо в песок».

Вокруг собралась ребятня, все хотят ярко-красных сладких кусочков. «Мама, я не могу есть одна! Давай их угостим», – слезы из глаз. «Нечего! Они здоровые, а ты больная. А ну-ка, кыш!» – отгоняет мать детей прутиком. Так и сижу – больной царевной-плаксой на песочном троне, соленые слезы смешиваются с арбузной сладостью. Ребятня внизу, лежа-сидя полукругом, тарачится во все глаза. Старичок-профессор оказался прав – это меня спасло.

Мама все-таки поела. Так, потренируем память.

- Как тебя зовут?
- Ли-ди-я. – Подмигивает мне, прочтя вышивку на полотенце, что специально висит перед глазами на дверце шкафа. – Лидка я Синицына! – Радуется, что помнит. – Лидка-побирушка!

- А почему побирушка-то?
  - Так я же побиралась. Папка на войне, мамку за колоски посадили. Тетка сшила сумку холщовую через плечо и отправила: «Иди, Лидка, побирайся».
  - И как, подавали, мам?
  - А кто кинет кусочек черствого хлеба, а кто прогонит: «Иди отсюда, Лидка-побирушка, самим жрать нечего».
  - А сколько тебе было лет?
  - Не помню... В школу не ходила еще.
- Подсчитываю в уме: в 42-м дед мой – на войну, значит, пять лет...

Пытаюсь представить себя на ее месте – ветерок противный по хребту. Присаживаюсь рядом, обнимаю, начинаю причисывать.

- Губки будем красить сегодня? Мы же красавицы, да?
- Радостно кивает.

- А как меня зовут, мам?
- Улыбается, но в глазах растерянность. Подсказываю:

– Майя?

Мотает головой.

- А кто я? – Поправляю песочную пирамиду, которая норовит завалиться, расползтись.
- Ты – соседка? – Ищет по сторонам подсказку.
- Не-ет, я же дочка твоя.
- Марина! – Улыбается, очень довольна.

Слава богу, одно из имен мы помним. Я так и не стала для нее Майей. В четырнадцать лет, когда понадобилось свидетельство о рождении, я открыла секретер и остолбенела: вместо «Марина» стоит «Майя». В графе «Отец» – прочерк, похожий на знак Зорро.

Сердятся, мать говорила: «Все в отца! Молчит, а делает по-своему. Из графьев мы, да?»

Отца в моей жизни как бы не существовало. Глядя на этот значок Зорро, я вдруг увидела тени на песке от скамейки. Вот отец. Я сижу у него на коленях. Он разыскал меня на детской площадке. И я сразу его узнала. Сказал, что мы можем жить вместе. Но – без мамы. «У тебя каждый день будет сгущенка», – и протянул баночку. Я глотала редкое лакомство, представляя, как сейчас уйду с папой, а мама будет бегать, искать. Попила еще и отдала банку. «Она же не сможет без меня». Он уходил, такой родной, высокий, в элегантной шляпе. Ярким солнечным утром. Я смотрела вслед, вцепившись руками в лавочку...

Странно, но учителя не удивились, что у меня есть еще одно имя. Как-то не пришло в голову выяс-

нить, а как же меня записали в школу с другим именем. Может, мать сказала, что дома зовут Мариной? Или меня записали соседи? В первый раз в школу я пошла одна. Держалась поближе к подружке-соседке и ее родителям, так как мама была в командировке. Она часто была в разъездах, и я кочевала от одних соседей к другим. И мне это очень нравилось – там был какой-то чудной, но упорядоченный мир: где есть всегда обед, где с тобой занимаются и – с ума сойти – интересуются твоим мнением. А еще там дарили подарки: то конфеты, то новенький транспортир, то колготки взамен порванных, а однажды даже платьице, голубое, «тебе – под глазки». Как же не хотелось возвращаться домой!..

В моем детском сознании мать – чудище. Оно бывает ласковым, но вдруг – ни с того ни с сего – способно напасть. Быстрее спрятаться, стать совсем незаметной. Я залезала под стол, под кровать – там и играла, и делала уроки. Потом переселилась в нишу, где были полки с бельем. У меня был свой домик, затерянный мир. Там обитала зеленая обезьянка, с которой я лазала по джунглям, полкам-пирамидам. Я проделала дырочку наружу и наблюдала за матерью: вот она читает, вот пишет кому-то письмо.

Влюбившись в третьем классе, как-то пришла домой в девять вечера. «Проститутка! Больше на улицу ни ногой!» Отколошматив, мать ушла спать. Я нашла упаковку димедрола: решила уснуть насовсем. Спас меня огромный черный паук, который возник из ниоткуда и стал расти до потолка. Стены и пол пошли волнами, пространство искажилось. Кое-как доползла до ванной и засунула два пальца в рот. Одно чудовище победило другое.

Не раз в отчаянные моменты вспоминала тот случай со сгущенкой. Думала, а может, нужно было пойти с отцом? Вдруг жизнь сложилась бы удачнее. Во всяком случае – без побоев и ругани.

Отец появился в девятом классе. Распахнул дверь, и я узнала его мгновенно: на меня смотрели мои собственные глаза. Он прошел и сел за парту за мной. Сердце заухало так, что я глянула, не слышно ли соседу по парте. Когда вышли из школы, отец сказал: «Ты не безотцовщина. Имя тебе дал – в честь неразгаданной цивилизации майя. И оно означает – иллюзия. Божественная игра. А еще это – мать Будды. Знаешь, кто это?»

Тем временем раздвигаю ножки маленького прикроватного столика, ставлю перед ней коробочку с лото. Ей нравится собирать фигурки. А нам – это на руку, мелкая моторика спасает

память и тренирует пальцы. Ручки закручивает все больше и больше внутрь. Тончайшая кожа, набухшие вены. Как она этими руками еще катала вагонетки с углем? Помогаю ей найти фигурку... Но как же я ненавидела эти руки в детстве, когда этими руками она лупила меня. Как-то отрывок в школе задали учить по Фадееву – «Руки матери». Начала читать – и подступила тошнота. Что за чушь! Какая фальшь! Руки матери только бьют нещадно. Так и не смогла прочесть этот отрывок перед классом. Как начинала – сразу перехватывало горло.

Теперь, когда приходится ее раздевать, одевать, подмывать, надевать памперсы, – такая усталость, но какая жалость к этому немощному, капризному до ужаса «ребенку». Чуть палец недавно мне не сломала – схватила и загнула назад изо всей силы. «Больно! Что ты делаешь!» Еле расцепила ее пальцы, видимо, всю силу вложила то ли в свою ненависть ко мне – «мучительнице», то ли – в протест против своей немощи. Мать-дите... Кто есть кто? Я чувствовала ее любовь, только когда болела. Она заворачивала меня во влажные простыни и носила ночь напролет на руках. Рассказывала, что во время бреда я говорила: «Отрежь мою голову, продай мою голову, моя голова золотая...»

А вот гастролировать по соседям – это словно жить на другой планете. «Ну, спой нам, Марина! Или стишок расскажи». Вот уж я выдавала на-гора! И читала, и пела. А танцевать – это как дышать. Проснусь – вскакиваю с постели, и полетела! То я балерина, то байлаора. То индийские мудры, то балетные турне, названия мудреные узнала, конечно, позднее. Выдавала – испанские дробы пяточками. А чаще всего – просто фантазии. Летишь в свой возникающий сам собой мир.

Когда занялась балльными танцами, уже в старших классах, тренер Татьяна Сергеевна в начале занятия неизменно говорила:

- А теперь мы с Маечкой покажем вам новые па. Смотрим внимательно!
- Я, изумленно:
- Но я же не знаю, я не разучивала.
- А она, уже беря меня за талию:
- А и ничего! От рождения все знаешь. – И вот мы уже летим, вращаясь, по огромному балльному залу Дома офицеров...

Бросила, дуреха, влюбившись в мальчика. Татьяна Сергеевна, не теряя надежды, звонила матери:

- У девочки – талант. Нужно убедить ее вернуться к танцам. Мы уже готовы к соревнованиям. Но куда там!..

Уже в Питере, на даче, прямо на траве, босиком, облачившись в настоящие сари, – танец Ситы и Рамы, уроки катхака с Эльфиной, прошедшей обучение у мастеров в Индии. «Держи пальцы! Пальцы ровнее! Спинку больше назад! Слушай ритм!» Боже... И вот мы уже не в окружении колокольчиков и девясилы, а между поющими колоннами Хампи – храмовыми танцовщицами в развевающихся ярких шелковых лепестках.

- Эльфина, а почему колонны называют поющими?
- А вот смотри, если ударять по ним вот так палочкой – они начинают издавать звук, а ветер создает вибрацию и разносит мелодию.
- Жрицы вращаются огненными цветками. Танец – богам.

Да! Нужно было поступать в театральное, как мечтала. Все эти таланты не пропали бы с пометочкой «зарытые». Но на мое заявление после выпускного: «Хочу быть артисткой, поеду в Москву» – мать разошлась во всю ивановскую:

- В артистки? Да там все через обман и постель! Только через мой труп!

Имея еще один ненужный дар – мгновенно представлять все в живописных раскадровках, – тут же увидела, как я с чемоданом, почему-то стареньким, потертым, в котором уместились все мои вещи, игрушки и зеленая обезьянка при переезде на окраину Новосибирска, перешагивая через труп матери, лежащий у порога, и отправляюсь... точнее, зануно ногу, но дальше дело не идет, зависаю... Черт побери! Из-за самодурства этой женщины я не исполнила свою мечту. Да сколько можно терпеть этот бред! Что же я тогда, струсила? Может быть... Но «труп матери» мерещился всегда, когда я вспоминала об актерской линии, так и не ставшей линией на ладони.

А танцевать я перестала. А когда же я перестала? А вот как заболела мать, да, точно. Это значит – я танцевала всю жизнь? А теперь уже шестой год не танцую. Не до того...

- А давай-ка повальсируем, мам! – Ставлю ее любимое «И лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука...». – Давай я буду танцевать ногами, а ты – руками.

Еще два года назад мы танцевали с ней вместе: она озарялась, глаза яснили, спину держала. Помнила слова. При деменции дольше всего по-

мятся песни. Они протяжные – нейроны успевают выстроиться в цепочку.

Сейчас – я танцую по комнате, а она – чуть взмахивает в такт руками. Поём.

Еще год назад гуляли на улице, не в коляске. Мама непременно подходила к прохожим и начинала им с ходу петь частушки, особенно ей нравилось с огоньком – с матерком. Я усиленно улыбаясь, комментировала: «Мама моя. Любит петь озорные частушки. Мы – веселые и мирные». Тут мама неожиданно делала выпад ногой вертикально вверх. Я поясняла: «Мама – мастер спорта по спортивной гимнастике и лыжам. Сейчас мы на реабилитации». Ошарашенный народ начинал кивать головой. Мама была довольна произведенным эффектом, и мы фланировали дальше – к бабулям на лавочке, чтобы передохнуть, съесть печенье.

– Давай-ка приляжем отдохнуть. – Устраиваю ее поудобней, глажу ее руки, ноги, незаметно, но внимательно осматриваю тело, не появились ли пролежни. Нет, чисто, слава богу. Противопролежневый матрас спасает. – Ну, вот, ты пока подремли, а я сгоняю за булочками для тебя, ага? Улыбается, закрывает глаза.

На улице я первым делом закуриваю... Как же мучительно хочется в Питер, весна, Исаакий стоит по колена в розовых волнах цветущей сирени. И Казанский, и Марсово поле... Фестивали, встречи, поэты выступают на вечерах, а я снова и снова никуда не попадаю... Какая безысходность с этим проклятым чувством долга!

Но по крайней мере сегодня без сюрпризов. Тьфу-тьфу! И то хлеб. Кстати, о хлебе. Где купить ее любимые булочки-поспущки. Черт побери, убрали все палатки и павильоны, изживают мелкий бизнес. Теперь бежать до гастронома почти остановку... Ручки, пальцы у нее все больше скрючивает, надо позвонить неврологу, слава богу, нашла хорошего.

А то помню ту, в тортильных очках, в шапке атамана Махно. Зашла такая, не раздеваясь, с молотком наперевес нависла, а мать ей как завернет матом! Та меня спрашивает: «А она меня не ударит?» Хорошо бы, думаю.

Мама подмигивает мне: мол, здорово я ее? И я киваю ей, подмигиваю, мол, молодец, ага! И чувствую такое большое удовлетворение: хоть кто-то может послать их всех куда подальше – всех этих хамоватых сестер, врачей из поликлиники. Достали, демоны! Особенно те чинуши, что оформляли инвалидность 1-й группы. Подожди, сволочь, мы с тобой встретимся в моей будущей пьесе, как говаривал Стейнбек.

Всю жизнь мне хотелось сбежать от матери. Как-то зимой (я тогда училась в пятом классе) вернулась с прогулки, стучала-звонила в дверь, но мне никто не открывал. Я тарабанила, звала-звала... В конце концов легла спать на саночках. Так и проспала под дверью, утром мать открыла вместе с незнакомым дяденькой и объяснила мне строго, что я в дверь не звонила и не стучала. Иначе они бы, конечно, услышали. Соседи потом решили написать кому следует, лишить ее родительских прав. Мать сходила к каждому, и где уговором, где угрозой разрушила эти планы. Вообще-то, я была не против жить в детдоме. Но один детдомовский мальчик в лагере на мое «Я ее ненавижу» сказал: «Я бы свою любил... Любую».

Однажды (я уже окончила универ, работала на радиостанции) я перестала общаться с матерью совсем. После того как она написала письмо мужчине, с которым у меня завязывались отношения. «Не губите мою дочь...» Мать на письме любила изъясняться высоким штилем. В каком-то смысле ее можно понять: мужчина был женат и ничем хорошим, ясно, не кончилось бы. Но, бог мой, нельзя же так вламываться в личную жизнь. Да сколько можно, черт побери! Не общались мы больше года. И мать узнавала, что дочь жива-здоровая, включая радио.

Примирение было феноменальным. Мне позволили, сказали, чтобы срочно ехала домой. Приехав, я увидела в своей комнате священника в полном, так сказать, парадном облачении.

– Что это за цирк? – от неожиданности ляпнула я.
– Ага, цирк уехал – клоуны остались! – весело отпарторвал отец Дионисий.

Батюшка оказался с юмором. Мать выглядывала из-за его спины испуганной девочкой. Захотелось ее обнять...

Вчера, когда я укладывала ее спать, она вдруг без подсказок назвала меня по имени и, глядя мне в глаза, говорила с тихой нежностью одно только слово: люблю. Много раз, только одно это слово, которое никогда раньше не говорила. Я увидела идущий откуда-то из глубины глаз – свет. Такой нежный-нежный свет. Такой ясный-ясный взгляд. Закусив губу, я отвернулась, чтобы не пролились слезы. Точно ангел прорезал сознание...

– Вот смотри, мамуль, твои поспущки любимые принесла. И – сгущенку. Чайку заварим?

Мать кивает:

– Да-а-а... черемуха бе-елая, что же ты наде-елала...